

Татьяна
Веденская

Татьяна
Веденская

АПРЕЛЬСКИЙ КОТ

—
роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *С. Груздева*

Художественное оформление *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.

В26 Апрельский кот : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Позитивная проза Татьяны Веденской и Сони Дивицкой).

ISBN 978-5-699-93238-2

В жизни Фаи Ромашиной «все очень плохо», если верить ее словам. А постоянные споры с сестрой, конфликт с коллегой, одинокие вечера перед телевизором и бессонница — лишнее тому подтверждение. Фая вынуждена обратиться к психологу. Им оказывается очаровательный Игорь Апрель, который готов не только решить все проблемы девушки, но и подставить мужское плечо в трудный момент. Только вот почему-то Фая не спешит открывать перед ним свою душу... и сердце.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93238-2 © Саенко Т., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Моей любимой дочери Настасьюшке

Все события книги о злоключениях Фаины Ромашиной являются чистым вымыслом. Любые совпадения мнений, событий и особенно взгляда на жизнь случайны и достойны только сочувствия.

Посвящается тем, у кого стакан наполовину пуст.

Пессимисты — это хорошо информированные оптимисты.

*Всем есть дело до того,
что думают о них другие люди*

— Все очень плохо, Джонни! — сказала я, пересекая проходную «Муравейника» в сравнительно приемлемом настроении, если учесть обстоятельства, предшествующие этому дню, и солнечные очки в пол-лица, которые я не собиралась снимать.

— Опять плохо? — хмыкнул охранник, а я пожала плечами. Конечно, это не совсем подходящий ответ на вопрос «Как дела?» — но другого у меня не оказалось.

— А чего хорошего, Джонни? — резонно спросила я, и Сережа снова ухмыльнулся. Я знала, что ему нравится, как я его зову. Он уверен — я называю его «Джонни» по причине его поразительно-го внешнего сходства с Джонни Деппом, которого Сережа обожает. Я не опровергала этого, хоть это и неправда. Причина другая, но я решила не озвучивать ее, чтобы не расстраивать Джонни. Кроме того, я не люблю имя Сережа... по определенным причинам.

— Что же такого плохого случилось у тебя сегодня? — спросил меня Джонни, высовываясь чуть ли не по пояс из широкого внутреннего окна в надежде разглядеть, что же я все-таки от него скрываю

8 Татьяна Веденская

под очками. Я его понимаю, солнцезащитные очки в марте — это более чем странно. Учитывая, что никакого солнца на улице нет — так, одна морось.

— Сегодня все плохо в норме, — отрапортовала я, отворачиваясь в сторону. — Лучше скажи, почему меня твой терминатор не пускает.

— Он тебя не узнает в очках, — фыркнул Джонни, косясь на турникет.

Не дожدهшься, дорогой, очки я не сниму.

— Я-то ладно, а чем ему чип на пропуске не глянулся? — Я невозмутимо смотрела на Джонни сквозь густую черноту стекол и ждала, пока турникет соизволит считать данные с моего электронного пропуска. Турникет меня узнавать не желал, я же мечтала поскорее убраться в свою дыру под крышей нашего «Муравейника». Желательно при этом, чтобы меня никто больше не увидел.

— Он сегодня все утро дурит, — вздохнул Джонни. — Сбой программы. Между прочим, к вам же с этим и придут. Можешь хоть сейчас забирать заявку на поломку.

— Чуть что — во всем программисты виноваты, — обиделась я. — Направляй заявку сам, я этим не занимаюсь. У нас и так три проекта, и все — высший пилотаж, математическое моделирование и коды будущего. Думают, мы там на двадцать шестом — инопланетяне с квантовыми компьютерами вместо мозгов. Лучше скажи, может, у меня срок пропуска истек? Посмотри по базе.

— Да нет, турникет с утра не крутится. Даже начальство не пропустил. Ладно, сейчас впущу, раз тебе не терпится трудиться. Как отпраздновали? —

продолжал допрос Джонни, прикладывая к турникету универсальный пропуск.

— Отпраздновали? — удивилась я.

— Как повеселились? Мы вчера девчонок в аэротрубе катали, — сообщил мне Джонни, только углубляя мою задумчивость.

— Новый подход к старой сцене с Мэрилин Монро? — рассмеялась я. — Представляю, как можно задрать юбку в аэротрубе.

— Фая, сегодня какое число, а? — поинтересовался вдруг Джонни. Я пожала плечами.

— Счастливые часов не наблюдают.

— Счастливые — может быть, но ты же у нас — самое печальное создание в офисе. Как у Шекспира. Нет девушки печальнее на свете, чем Фая... — Джонни застыл, пытаюсь придумать что-то в рифму, но не смог. — Короче, с твоим «позитивом» ты должна и секунды знать.

— Ну спасибо, — всплеснула руками я.

— Все у тебя всегда плохо, — добавил Джонни. — Между прочим, сегодня девятое марта. Тебя хоть кто-нибудь вчера поздравил? Или у вас, у программистов, это не принято?

— Господи, я напрочь забыла! Девятое марта, серьезно? Какой удар по самолюбию, а я ведь еще от дня Святого Валентина в себя не пришла! — рассмеялась я.

— Значит, не праздновали? — вздохнул Джонни. Перед моим мысленным взором возникла двухкомнатная квартира в стандартной панельной высотке, сломанный кем-то лифт и то, как я задыхалась, бежала на пятнадцатый этаж. А потом — матерящиеся предста-

10 Татьяна Введенская

вители полиции, разлитое по полу магазина красное вино и молоко — все в одну большую лужу с кусками битого стекла. Выходные, мать их. Празднички.

— Праздновали, конечно, — заверила я охранника. — Весь день пила коктейли, а муж мыл полы и драил стены в ванной. Видишь, теперь даже смотреть в глаза людям не могу, так праздновали.

— Муж? — фыркнул Джонни. — Когда это у тебя муж появился?

— Вчера. А что, это так невероятно?

— Да кто с тобой уживется? С таким-то характером! — «порадовал» меня Джонни.

— А что не так с моим характером? — Я сделала вид, что обиделась. — Я — ангел. Тихая, некурящая, почти непьющая. Тридцати нет. Только и женись. Между прочим, ты бы и сам мог...

— Я лучше съем перед загсом свой паспорт. — Джонни цыкнул зубом и пропустил меня внутрь на территорию «Муравейника».

— Вот и приятного аппетита, — фыркнула я.

— Тебе, Фая, надо характер менять, — вдруг заявил Джонни. — Критики в тебе много. И потом, один только твой диплом МФТИ — уже катастрофа. Не должна быть девушка программистом.

— Интересно, почему? — расхохоталась я. — А потом, я и не программист. Это мне было бы скучно. Я занимаюсь матанализом и моделированием математических систем — динамических, нелинейных, стохастических...

— Еще хуже, — перебил меня Джонни. — Я даже не понимаю, что ты говоришь. Лечить тебя надо. А то умная слишком.

— С чего это ты вдруг сегодня решил начать делиться своим профессиональным мнением? Вдруг я возьму и последую твоему совету. Пойду к какому-нибудь психологу и начну меняться, а потом выяснится, что меняюсь я к худшему.

— Еще хуже? Куда? — В притворном страхе мужчина приложил ладонь к губам.

— Да, Джонни, хорошо все же, что восьмое марта уже прошло. А то ты бы мне его испортил. Сердце бы разбил, а мне еще жить и работать — на благо начальства! — хихикала я, запихивая бесполезный пропуск в объемную сумку.

— В отпуск тебе надо, Фая. Очки-то все же снимь, — скомандовал Джонни, а я только мечтательно вздохнула, представив себе пляж, струящийся между пальцами песок и тепло, не сгенерированное отопительными приборами.

— Мне без очков холодно. — И я вышла во внутренний дворик на охраняемую и всячески закрытую территорию нашего огромного медиа-энерго-науко-пауко-холдинга, называемого в простонародье «Муравейником».

Итак, дано: штаб-квартира одного из подразделений крупнейшей корпорации, интересы которой перекрывают небо, закрывая солнечный свет. Нефть и нефтепроводы, научные патенты, исследования в области новейших технологий, собственные телеканалы и игры на бирже. Список далеко не полон, многое вообще недоступно для непосвященных. Наш девиз — *«Создавая будущее»* — звучит романтично, но совершенно неконкретно. Что за будущее

мы создаем — большой вопрос. Я бы добавила: *«Создавая будущее, хорошо бы не развалить настоящее»*. Наш бизнес разрастался как опухоль, но кого это трогает?! Ведь это и есть успех. Впрочем, этот вопрос — не моих мозгов дело, ибо я только винтик, одно из сотен соединений в микросхеме компьютерной системы. Создаю, модифицирую и исследую математические модели для аналитики и прогнозирования. Выполняю задания партии и правительства, иногда непредсказуемые и абсолютно нелогичные. Но — солдат спит, служба идет, пенсия копится.

Я, страшно признаться, люблю свою работу. Да, да, весьма неженское дело — копаться в кодах, но во мне не так уж и много женского, особенно если верить словам мужа моей сестры Лизы, с которым у нас постоянный «конфликт протоколов». Он считает меня исчадием ада, а я — его. И то и другое сразу не может быть верным, так как, следуя математической логике и исходя из единства ада как координаты пространства и времени, только один из нас может быть его исчадием. Значит, второй точно ошибается. В последнее время я все чаще начинаю допускать в теории, что ошибаюсь я. И это грустно.

Лаборатория, где я целыми днями стучу пальцами по «клаве», располагается на двадцать шестом этаже самого высокого из пяти соединенных между собой зданий, принадлежащих нашему холдингу. На двадцать седьмом, последнем, — «Олимп», где живут небожители, наше в прямом смысле «высокое» руководство. «Всевидящее Око Саурана». Выше только крыша, с которой открывается ошеломительный

вид на Москву. Наше здание — главное — в простонародье зовут «башней», иногда «поехавшей». Вторая высотка — двадцати трех этажей — зовется «Биг Беном» из-за огромных электронных часов на фасаде, самых больших из целой системы часов, синхронизированных по всему офису во всех зданиях. Забавный случай! Однажды неведомые умельцы подкрутили программу управления часами, и целый месяц часы постоянно соскакивали на пятнадцать минут назад, вынуждая весь офис задерживаться на лишние пятнадцать минут. Их подводили обратно, а они самопроизвольно убегали вперед снова — по ночам. Потом выяснилось, что это была эдакая шутка неведомых хакеров, связанная с тем, что незадолго до этого обеды в офисе сократили на пятнадцать минут. Инициатива эта поступила сверху, призванная увеличить производительность труда. Похвальное рвение со стороны людей, которые обедают в основном на переговорах в кафе «Пушкинь».

Мы пытались переустановить программу, перегружали систему, но ничего не помогало. Пока обед не вернулся в свои первоначальные временные рамки, часы починить не могли. А виновника так и не нашли, хотя, конечно, скандал был страшный. Еще бы, найдут они, как же. Не для того мы в МФТИ учились, чтобы наши маленькие шалости могли всякие «белые воротнички» вычислить.

По улице я прошла к входу в «башню», надеясь никого не встретить. Время было раннее, начальство в такое время обычно только допивает шампанское,

принимая утреннюю пенную ванну. Аристократы, кажется, так просыпаются. Но кое-чего я все-таки не учла. Закон подлости стоял у входа в «башню», и я прижалась к стене «Биг Бена», вспоминая нерушимые каноны, выведенные за долгие годы исследований в области падающих бутербродов.

Правило первое. *Всё не так легко, как кажется.* А это значит, что мне вряд ли удастся миновать Виктора Аркадьевича Постникова так, чтобы он меня не заметил, даже если прямо сейчас он стоит ко мне спиной, погруженный в собственные мерзкие мысли. Конечно, Виктор Аркадьевич мог бы пройти в здание, не оборачиваясь, но, словно следуя внутреннему призыву, обернулся в последний момент.

И заметил меня.

Правило второе. *Если некоторая неприятность может произойти, то она обязательно произойдет.* Более того: если могут случиться несколько неприятностей, то они все обязательно случатся, и притом в самой неблагоприятной последовательности. Естественно, я не могла столкнуться с Постниковым в любой другой день. Нет, только сегодня, когда на носу у меня «сидят» массивные солнцезащитные очки. Постников увидел меня и просиял.

— Фаина Павловна! — радостно воскликнул этот сукин сын, расплываясь в своей фирменной фальшивой улыбке. Как я могла забыть о парковке во внутреннем дворе? Ведь Постников пешком не

ходит, он водит темно-синий BMW, а галстуки выбирает под цвет машины.

— Виктор Аркадиевич! — не менее «радостно» воскликнула я. — Какими судьбами?

— Это что же вы в очках-то, Фаина Павловна? — спросил Постников, галантно открывая передо мной дверь.

— Новый имидж, знаете ли, — процедила я, пытаясь воспрепятствовать Постникову заглянуть мне «в душу».

— Ага. Значит, вы все-таки согласны, что ваш старый имидж никуда не годился. Но, знаете ли, начали вы не с того, Фаина Павловна. Может быть, купить юбку? Туфли на каблуке?

— Никогда не думала, что туфли на каблуке можно носить на лице, — фальшиво удивилась я. — Впрочем, вам, Виктор Аркадьевич, виднее.

— А, понял. Вам глаз подбили! — воскликнул этот подлец и улыбнулся по-детски счастливой улыбкой. — Опять, значит, забыли, как вести себя в присутствии мужчины?

— Допустим на секундочку, что вы угадали, хотя никто меня по лицу и не бил, — отчеканила я строго. — Правильно ли я понимаю, Виктор Аркадиевич, что вы считаете избиение женщин нормальным явлением?

— Что ж, я не удивлен. — Постников оскалился, продолжая пялиться на меня без всякого стыда. На вопрос мой он, конечно, отвечать не стал.

С виду Виктор Аркадьевич Постников мог бы показаться человеком вполне невинным и даже по своему привлекательным. Невысокий, чуть полно-